

С. В. Богданов

Тверской государственный университет, Тверь, Россия. serg_bogdanov@mail.ru

КТО ИЗ ЯРОСЛАВИЧЕЙ ПОГИБ В ТВЕРИ В 1238 г.?

Рассматривается вопрос об идентификации Ярославича, погибшего от рук монголов в Твери в начале 1238 г. Автор отказывается от традиционного мнения о нем как о погибшем сыне переяславского князя Ярослава Всеволодича и предлагает обоснование идентификации этого Ярославича как сына князя Ярослава Владимировича, принадлежавшего к линии потомков Мстислава Великого. Предполагается, что Ярославич находился в Твери или как князь, служивший новгородскому князю Александру Ярославичу, или в качестве пленника князя Ярослава Всеволодича.

Ключевые слова: Тверь, 1238 год, Ярославич, потомки Мстислава Великого, служилые князья

В отечественной историографии о ранней истории Твери утвердилось положение о ее принадлежности в период с середины XII – до середины XIII в. территории Владимиро-Суздальского княжества и Переяславского удела в нем [Древняя Русь в средневековом мире, с. 812; Кучкин, 2019, с. 112]. Распространенным стало и представление о разорении переяславской Твери монголами в начале 1238 г., при этом, как, например, считает А. В. Кузьмин, значение Твери в первой половине XIII в. было настолько велико, что зимой 1237/1238 гг. князь Ярослав Всеволодич согласился оставить для обороны города своего сына, который был единственным погибшим княжичем из семьи Ярослава Всеволодича [Кузьмин, с. 273]. В последнее время археологи пытаются подкрепить представление о монгольском разорении Твери материалами из раскопок на территории Тверского кремля [Иванова, Хохлов, с. 108, 115], однако убедительных следов такого разорения, подобных угольным прослойкам в культурном слое Торжка или Серенска, а также массовым захоронениям в Ярославле или в Городце на Волге, в Тверском кремле при раскопках широкими площадями все же до сих пор не было обнаружено.

Административный статус Твери до 1238 г. исследователи определяют на основании летописных фактов и предположений. К таким фактам относятся сообщения Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) о заточении в 1215 г. Ярославом Всеволодичем попавших в опалу новгородцев («потоци их на Тъхвѣрь»), о незнании князем Мстиславичем и новгородцами о месте нахождения Ярослава Всеволодича («И не бы вести, кде Ярославъ, въ Торожку ли, или въ Тъхвѣри ли»), о нападении «за Тверью» «сторожей» Ярослава Всеволодича на отряд Яруна и о бегстве этих «сторожей» в Тверь («И наехаше на Яруна сторожи за Тъхверью Ярославли», «И пособи богъ Яруну, и многы побегоша, а иныхъ измаша, а инии убежаша въ Тъхвѣрь»)¹. Софийская первая летопись старшего извода (далее – С1) сообщает о разорении Мстиславом Мстиславичем и новгородцами сел около Твери в 1216 г. («И поидоша къ Тфери, и начаша имати села и жечи»), о выезде Ярослава Всеволодича из Торжка в Тверь («И Ярославъ, слышавъ, оже емлютъ села, ѣха ис Торжьку въ Тферь») и о том, что Ярослав Всеволодич остался в Твери («И бѣ вѣсть у тѣхъ, что Ярославъ въ Тфери»)².

В Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.) Тверь до середины XIII в. упоминается единожды под 1209 г., отсюда во Владимир возвращаются сыновья Всеволода Юрьевича Константин, Юрий и Ярослав, посланные им в поход на сидевшего в Торжке Мстислава Мстиславича: «... Костантин же с своєю браґею възвратишася со Тьфѣри...»³. В Летописце

¹ ПСРА. М., 2000. Т. 3. С. 53, 55.

² ПСРА. М., 2000. Т. 6. Стб. 264.

³ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 435.

Переяславля Суздальского (далее – ЛПС) сообщение об этом событии находится в статье 1212 г.: «И бывшимъ имъ на Тфери, и слышавше Новгородци, оже идуць на них суждальци, выидоша противу имъ, и уладишася...»⁴. Эти сообщения не дают оснований для отождествления слова «Тверь» с поселением, в нем, скорее всего, речь идет о реке с одноименным названием. На это указывает предлог «на», с помощью которого, по наблюдению В. А. Кучкина, обозначался отход от реки [Кучкин, 2015, с. 312]. К приводимому ученым наблюдению («оувернулъся на Угрѣ») можно добавить и другие примеры конструкций с предлогом «на» и названием реки: «совокупишася обои на Немизѣ» и «аша Всеслава на Рши»⁵; «и воротишася на Дубнѣ»⁶; «и съшася на Волзѣ»⁷ и др.

Сообщения НПЛ позволяют связывать Тверь с переяславским князем Ярославом Всеволодичем, указание С1 – представлять Тверь городом с густонаселенной округой. Но при кажущейся очевидности всех этих сведений они не дают однозначных оснований для отнесения Твери к уделу Ярослава Всеволодича. Так, из имеющейся в НПЛ информации о Твери не выдерживает проверки сообщение о незнании Мстиславом о месте пребывания Ярослава, а сведения С1 являются итогом литературной переработки текста НПЛ создателем Новгородско-Софийского свода [Богданов]. Кроме того, невозможно игнорировать тот факт, что и новгородский, и владимирский источники «молчат» о разорении Твери в 1216 г. соединенными силами князя Мстислава Мстиславича, союзных ему князей и новгородцев. Это «молчание» представляется симптоматичным на фоне отсутствия в летописании Северо-Восточной Руси и в Киевской летописи (Ипатьевская летопись) сведений о разорении суздальской Твери во время походов киевских князей и их союзников в Суздальскую землю в 1149 и 1180 гг. Трудно представить, что крепость суздальских князей на западной границе их владений в XII в. ни разу не была разорена их врагами, хотя другие суздальские поволжские города регулярно разорялись во время княжеских военных экспедиций.

К более очевидным летописным фактам относится сообщение НПЛ о том, что Тверь была взята отрядами Батия и при этом здесь был убит сын Ярослава: «Оканънии же они оттолѣ пришедше взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тѣрь ту же и сынъ Ярославъ убиша»⁸. Сведения НПЛ отражены в летописи по Академическому списку (далее – МАк): «а инѣи идоша к Переяславу и то^г гра^а взяша ѿтолѣ всю странѣ тѣ, и горо^а мнози поплениша . Юрьевъ . Дмитровъ . Волокъ, Тѣрь . тѣ же и снѣ Ярославъ оубиша, и до Торжкѣ нѣ^с мѣста идѣже не повоеваша ...»⁹.

Сообщение НПЛ о разорении Твери не проверяется другими источниками. В Лавр. ни Тверь, ни Волок не называются в списке городов, разоренных монголами в пределах Суздальской и Ростовской земель зимой 1237/1238 гг.¹⁰ В Лавр. определенно указывается, что монголы разорили 14 городов¹¹: «а инѣи идоша на Переяславль . и тѣ взяша . и ѿтолѣ всю ту страну . и грады многи . все то плѣниша . доже и до Торжку и нѣ^с мѣста ни вси . ни сель тацѣ^х рѣдко . идеже не воеваша на Суждальской земли . и взяша городовъ . дѣ^и впрочь свободѣ . и погостовѣ . во вдинѣ мѣцѣ . февра^а . кончевающуюся . мѣ . тому . лѣту»¹². Из 14 городов в Лавр. названы

⁴ ПСРА. М., 1995. Т. 41. С. 129.

⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 166–167.

⁶ ПСРА. Т. 3. С. 28.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Там же. С. 76, 288; ПСРА. М., 2000. Т. 6. Стб. 293; М., 2000. Т. 4. С. 217.

⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 518.

¹⁰ Там же. Стб. 464.

¹¹ Отметим, что во время Дюденевой рати 1293 г. в пределах «Русской земли» («Суздальской земли») монголы разорили также 14 городов, но Тверь в их число опять не вошла: после захвата Москвы и ее разорения монголы вознамерились идти к Твери, однако отказались от этого ввиду возвращения в Тверь князя Михаила Ярославича (см.: ПСРА. М., 2007. Т. 18. С. 82–83).

¹² ПСРА. Т. 1. Стб. 464.

только 8: Коломна, Москва, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Городец и Переяславль. В Симеоновской летописи (далее – Сим.), отразившей текст протографа лучшей сохранности, насчитывается именно 14 разоренных городов¹³: Коломна, Москва, Владимир, Суздаль, Юрьев, Ростов, Кострома, Угличе-поле, Кашин, Ярославль, Городец, Переяславль, Кснятин и Галич Мерский; Твери в этом списке нет.

Отмеченное обстоятельство позволяет думать, что Тверь в число разоренных городов Суздальской и Ростовской земель не входила, скорее она принадлежала территории «той страны»: «а ини идоша на Переяславль . и ть взяша . и ѿтолѣ всю ту страну . и грады многы . все то плѣниша . доже и до Торжку . и нѣсѣ мѣста ни вси . ни сель тацѣх»¹⁴ (Сим.: «а инии идоша на Переяславль и къ Снятину, и то взяша, и оттуду всю страну и грады многы, все то поплѣниша, тоже и до Торжка: нѣсть мѣста, нѣсть сель цѣлых...»¹⁵). Для владимирского и ростовского летописцев «та страна» находилась за Кснятиним, то есть за Волгой, – это, несомненно, новгородские земли.

Упоминание НПЛ о разорении Твери, заимствованное в том числе в Воскресенскую летопись, которая была известна В. Н. Татищеву, дало ему, по всей видимости, основание написать, что после смерти Всеволода Юрьевича (1213) Ярославу Всеволодичу достались Переяславль, Тверь и Волоколамск [Татищев, 1774, с. 372]¹⁶. О. М. Рапов добавил к этому, что ЛПС указывает на получение Ярославом во владение также Нерехты и Дмитрова [Рапов, с. 170].

В. А. Кучкин принимает данные ЛПС как доказательство переяславской принадлежности Твери [Кучкин, 1970, с. 104]. П. Д. Малыгин, опираясь на сведения НПЛ, совершенно иначе определяет административно-политический статус домонгольской Твери. Исследователь считает, что Тверь была новгородской волостью, но полагает при этом, что Ярославич мог быть убит в одном из названных городов, необязательно в Твери [Малыгин, 1989, с. 152–154]. Такое предположение может быть вполне возможным, поскольку Дмитров точно входил в состав Переяславского княжества, князь Ярослав Всеволодич, кроме того, владел землями на Волоке Ламском и в Торжке [Кучкин, 1970, с. 98; Кучкин, 2019, с. 112].

Построение фразы («тѣ же... оубиша») в тексте НПЛ в принципе дает основания говорить о том, что Ярославич погиб в Твери. Между тем «ту» может означать не только «здесь», но и «тогда», «туда» и «тут, при этом»¹⁷. В таком случае информация НПЛ оказывается бесполезной для установления места гибели безвестного Ярославича, поскольку эту фразу можно перевести так: сын Ярослава погиб «тогда» или «при этом», то есть от рук монголов во время нашествия. Местом гибели княжича мог быть любой из перечисленных в НПЛ городов.

Историографическая ситуация осложняется не только этим. Исследователи присваивают ЛПС не существующую в нем информацию: в тексте ЛПС указывается, что после смерти Всеволода Юрьевича князь Ярослав наследовал только Переяславль¹⁸. Под 1214 г. здесь сообщается о том, что входе начавшейся уобицы из-за княжения во Владимире князь Константин Всеволодич отнял у Ярослава Нерехту, у Юрия Всеволодича – Соль Великую, а союзник Константина князь Владимир Всеволодич, не захотевший княжить в Юрьеве и захвативший Москву – город князя Юрия, попытался при помощи москвичей захватить и Дмитров – город князя Ярослава¹⁹. Таким образом, в 1214 г. в удел Ярослава Всеволодича входили Переяславль, Нерехта и Дмитров, поэтому надо считать, что они и были его «отчиной». Ни Волок

¹³ ПСРА. Т. 18. С. 55–57.

¹⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 464.

¹⁵ ПСРА. Т. 18. С. 57.

¹⁶ В издании труда В. Н. Татищева 1964 г. список городов, полученных Ярославом Всеволодичем, сокращен до Переяславля [Татищев, 1964, с. 342].

¹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 3. Стб. 1030–1031.

¹⁸ ПСРА. Т. 41. С. 129.

¹⁹ Там же. С. 131.

Ламский, ни Тверь в ряду владений князя Ярослава в ЛПС не называются. Поэтому указание НПЛ на гибель в Твери сына князя Ярослава *может быть* использовано для аргументации переяславской принадлежности Твери только по той причине, что погибшего Ярославича без оговорок *считают* потомком Всеволода Юрьевича. Но заключение об административной принадлежности Твери можно формулировать только после решения вопроса о том, кто же из Ярославичей погиб в Твери в начале 1238 г.

На этот счет ни новгородский, ни владимирский источники не дают прямого ответа, однако можно утверждать, что все сыновья Ярослава Всеволодича после нашествия монголов остались в живых. В Лавр. под 6747 г. содержится список его сыновей, братьев и племянников, выживших во время нашествия, списку предпослана молитва, приводим только ее завершение перед списком и сам список:

«... сдѣѡа Гѣ спѣснѣе велико кнѡзе^м наши^м. избавиль^х е^с ѡ враг^г наши^х... тако и си^х Бѣ^х избави . ѡ руки иноплеменни^к. блѡгоч^тваго и правовѣрнаго . великого кнѡза . Ярослава . с блѡгородными своими снѣ . бѣ же ихъ .с. Сѡлександръ . Андрѣи . Костантинъ . Сѡфонасии . Данило . Михаило . а Стѡславъ с сыно^м с Дмитрие^м . Иванъ Всеволодичъ . Володимеръ . Костантинови^ч . Василковича . в. Борисъ . и Глѣбъ . Всеволодичъ Василии . и си вси сохранени быша Бѣю блѡг^тью»²⁰.

Указанные в этом списке Святослав Всеволодич и Владимир Константинович участвовали в битве на Сити. Среди Ярославичей нет умершего Федора и еще не родившегося Василя, следовательно, список был составлен до 1241 г. Этот летописный список княжичей М. Д. Присѣлков считал завершением работы по слиянию ростовского и владимирского сводов, выполненной по заказу Ярослава Всеволодича [Присѣлков, с. 141]. Вставной характер этого текста признал Ю. М. Лимонов [Лимонов, с. 173], выделивший в составе владимирского свода летописцы Всеволодичей, в том числе и князя Ярослава. Ю. М. Лимонов показал, что списком княжичей заканчивался «свод Ярослава», провиденциалистский по своему характеру [Лимонов, с. 179]. Получается, составитель этой записи точно знал, что от монголов спаслись шесть сыновей Ярослава Всеволодича и что ни один из его отпрысков не погиб. Сомнительно, что из-за провиденциалистских настроений личный летописец Ярослава Всеволодича подробнейшим образом описал гибель потомков Всеволода Юрьевича и сознательно умолчал о гибели одного из его внуков, который остался единственным погибшим Ярославичем и при этом безвестным, как полагает А. В. Кузьмин [Кузьмин, с. 273].

Укажем здесь на одно важное обстоятельство, мимо которого проходят исследователи. Во время нашествия монголов на Суздальскую землю погибли многие династы и члены их семей: Юрий Всеволодич, его супруга, снохи и внуки, сыновья Владимир, Всеволод и Мстислав, ростовский князь Василько Константинович и князь ярославский и угличский Всеволод Константинович. Не подлежит сомнению, что тела всех их были найдены и захоронены: Юрий Всеволодич и вся его семья были погребены в Успенском соборе во Владимире-на-Клязьме (первоначально, как известно, Юрий Всеволодич был захоронен в Успенском соборе Ростова, но по инициативе Ярослава Всеволодича останки князя были перенесены во владимирский Успенский собор²¹); Василько Константинович, зверски убитый монголами, был найден в Шернском лесу и погребен в Успенском соборе Ростова²²; мы не располагаем только сведениями о месте погребения Всеволода Константиновича (его сын Василий Всеволодич, умерший во Владимире в 1249 г., был захоронен «в своей отчине» в Ярославле в Успенском соборе²³).

В свете этих данных уместно поставить вопрос: почему же не только не похоронили этого неизвестного по имени сына Ярослава Всеволодича, но и даже не вспомнили о нем? Ответ на него представляется нам простым: летописный список княжичей ясно свидетельствует

²⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 469; Т. 18. С. 60.

²¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 465.

²² Там же. Стб. 476.

²³ Там же. Стб. 472.

о том, что все Ярославичи избежали смерти, в связи с чем напрашивается вывод: в 1238 г. в Твери погиб сын не Ярослава Всеволодича.

Но тогда кто же этот безвестный сын Ярослава и какого именно Ярослава?

Теоретически таких Ярославов могло быть четверо: Ярослав Владимирович, сын Владимира Мстиславича, **внук Мстислава Великого**; Ярослав Владимирович, сын Владимира Мстиславича Псковского, **внук Мстислава Ростиславича Храброго**; Ярослав Ингваревич, сын Ингваря Ярославича, **внук киевского князя Ярослава Изяславича**; Ярослав Мстиславич, **сын Мстислава Удатного**.

О последнем Ярославе можно сказать только то, что он, возможно, упоминается среди князей, присутствовавших на снеме в Киеве в 1231 г.: «...баху^т же в то время инии князи Русьстии на сонъмѣ в Києвѣ . Михайлъ кнл^а Черниговьскый . и снѣ ѹго Ростиславъ Мстиславичъ Мстиславъ . Ярославъ . Изаславъ . и Ростиславъ Борисови^т . и инии мнози князи»²⁴. Полной уверенности в этом нет, поскольку кроме Василия Мстиславича (умер на княжении в Торжке в 1218 г.) имена других детей Мстислава Удатного неизвестны. Д. Домбровский отрицает родство упомянутых князей с Мстиславом Удатным [Домбровский, с. 596], а указанного Ярослава вслед за М. Димником считает Ярославом Ингваревичем [Домбровский, с. 359].

По мнению О. М. Рапова, Ярослав Ингваревич под 1220 г. перечислен среди князей, плененных польским королем Лешкой [Рапов, с. 192]; эти сведения происходят из Густынской летописи, в которой упоминается князь «Ярослав Игоревич»²⁵. Соотнесение этого князя с Ярославом Ингваревичем сомнительно [Домбровский, с. 355–356]. В 1226–1227 гг. Ярослав Ингваревич был на княжении в Луцке, но этот город был отобран у него князем Даниилом Романовичем взамен на Перемиль, а затем ему дан был город Межибожье²⁶. По мнению Д. Домбровского, Ярослав Ингваревич в начале 1230-х гг. был сеньором восточно-волинской ветви Изяславичей, он умер в 1231 г. [Домбровский, с. 359]. Присутствие его сына на северо-востоке Руси проблематично.

Князь Ярослав Владимирович – внук Мстислава Великого, свояк Всеволода Юрьевича – княжил в Новгороде в 1181, 1187–1196 и 1197–1199 гг. В 1198 г. Ярослав Владимирович заложил знаменитый Спасо-Преображенский собор на Нередице²⁷. В 1199 г. он был выведен из Новгорода Всеволодом Юрьевичем, его место занял Святослав Всеволодич; и в этом же году жена Ярослава Владимировича «постави» Рождественский храм на Михайловой улице²⁸. В 1205 г. Ярослав Владимирович княжил в Вышгороде, но был изгнан оттуда Ростиславом Рюриковичем [Рапов, с. 164]²⁹. Летописям известны его сыновья: Ростислав Ярославич (1193–1199) (находился при отце в Новгороде [Рапов, с. 182])³⁰ и Изяслав-Михаил Ярославич (1190–1199) (упоминается на княжении в Великих Луках [Рапов, с. 182])³¹; оба княжича умерли в 1199 г. и были похоронены в Юрьевском монастыре³². В НПЛ под 6701 (1193) г. упоминается о рождении еще одного сына Ярослава Владимировича, имя его не известно, как не известно и имя родившейся в Новгороде в 1189 г. «на Рождество Богородицы» дочери Ярослава (основание женой Ярослава Рождественского храма на Михайловой улице, видимо, было связано с дочерью)³³. О. М. Рапов указал на еще одного неизвестного сына

²⁴ Там же. Стб. 457.

²⁵ ПСРА. СПб., 1843. Т. 2. С. 334.

²⁶ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 750–751, 753.

²⁷ ПСРА. Т. 3. С. 44.

²⁸ Там же. С. 44.

²⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 426.

³⁰ ПСРА. Т. 3. С. 41, 44.

³¹ Там же. С. 39, 44.

³² Там же. С. 44.

³³ Там же. С. 39, 41.

Ярослава Владимировича: этот княжич, по О. М. Рапову, упоминается под 1207 г. на княжении в Треполе [Рапов, с. 182] (историк в данном случае опирался на Воскресенскую летопись³⁴, а не на более раннюю Лавр.; любопытно, что в указателе к Лавр. под этим годом указан Ярослав Владимирович, а не его сын – текст Лавр. не препятствует такому отождествлению³⁵). Этого княжича Д. Домбровский идентифицирует с князем Владимиром Псковским (см. об этом подробнее ниже).

После 1205 г. сведений о Ярославе Владимировиче нет. Обратим внимание на то, что его упоминание в Вышгороде хронологически совпадает с княжением в Переяславле Русском Ярослава Всеволодича: Всеволод Юрьевич посадил этого 10-летнего княжича на переяславский стол летом 1200 г., в 1206 г. Ярослав был вынужден уступить Переяславль Всеволоду Чермному³⁶. Это хронологическое совпадение представляется нам не случайным ввиду того, что в конце XII в. «подлинным правителем» Переяславля Русского, как показал В. А. Кучкин, являлся князь Всеволод Юрьевич [Кучкин, 2017, с. 15–16]. Очень вероятно, что для поддержки сына на юг Руси – в «Русскую землю» – он направил опытного Ярослава Владимировича, сведенного им годом ранее с новгородского стола. Таким образом, Ярослав Владимирович был связан службой с Всеволодом Юрьевичем, и его сын теоретически мог оставаться на северо-востоке Руси в период нашествия.

Теперь обратим внимание на другого Ярослава Владимировича, сына Владимира Псковского.

Сведения о нем сохранили отечественные и ливонские источники. По сообщению Хроники Ливонии в 1218 г. Ярослав возглавлял русский отряд, осаждавший Венден («Et venit Gerceslavawe, filius Woldemari, cum alio exercitu et obsedit fratres milicie in Wenden et pugnavit cum eis per diem illum»)³⁷; делал он это явно по поручению новгородского князя (далее в тексте хроники упоминается «правитель Новгорода»: «Et sequenti die transita Соува processit ad **regem Nogardie**» («На следующий день проследовал Соува (Ярослав?) к правителю Новгорода»)). В 1217 г. перед уходом в Киев князь Мстислав Мстиславич оставил в Новгороде сына Василия и супругу, но в 1217 г. в Новгороде действовал не Василий Мстиславич, а князь Владимир Ярославич: «Поиде Мъстислав Кыеву, оставивъ Новегородъ княгыню и сына своего Василия... Тогда же поиде Володимиръ въ Новьгородъ своими орудии»³⁸. В этом году князь Владимир Ярославич в ответ на нападение Литвы возглавил поход новгородцев к Медвежьей Голове³⁹. По всей вероятности, весной 1218 г. в Новгород через Торжок вернулся Мстислав Мстиславич, а 1 августа этого года в Новгороде по призыванию новгородцев вокняжился смоленский династ Святослав Ростиславич⁴⁰. Так что очень вероятно, что «**regem Nogardie**» ливонского источника – это Мстислав Мстиславич.

В отечественных источниках первое упоминание о Ярославе Владимировиче относится к 1225 г.⁴¹ В этой годовой статье НПЛ сообщается о посольстве новгородцев к князю «Ярославу Переяславскому» и о столкновениях новгородцев с Литвой; в них вместе с Ярославом Всеволодичем участвовали князь Владимир с сыном – очевидно, Ярославом. В 1233 г. Ярослав Владимирович захватил Изборск, но был изгнан и выдан псковичами Ярославу Всеволодичу, который заточил его в Переяславле-Залесском⁴². Как долго он был в заточении, застало ли его

³⁴ ПСРА. М., 2001. Т. 7. С. 114.

³⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 556.

³⁶ Там же. Стб. 428.

³⁷ Heinrici Chronicon Livoniae = Heinrichs Livländische Chronik / Hrsg. Leonid Arbusow, Albert Bauer. 2 Auflage. Hannoverae, 1955. P. 151.

³⁸ ПСРА. Т. 3. С. 57.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 64, 269.

⁴² Там же. С. 72.

здесь монгольское нашествие – неизвестно. Но в 1240 г. Ярослав Владимирович при поддержке ливонцев повторно захватил Изборск⁴³. В этом году Ярослав, по всей видимости, княжил в Пскове, который перешел под власть монашествующих рыцарей: в *Livländische Reimchronik* он упоминается под именем *Gerolt* [Бегунов, Клейненберг, Шаскольский, с. 219–224; Домбровский, с. 662]. В 1245 г. он служил новгородскому князю Александру Ярославичу; будучи его наместником в Торжке, он отражал набег литовцев⁴⁴ [Рапов, с. 194]. Как показал Д. Домбровский, Ярослав Владимирович скончался не ранее 1248 г. [Домбровский, с. 663].

Таким образом, и Владимир, и его сын зафиксированы новгородским и ливонским источниками в Новгороде, Пскове и Торжке, с ними связано западное направление внешней политики Новгорода и новгородских князей. Князья имели также связи с Ливонией. Интересно, что под 1243 г. в НПЛ сообщается о погребении в Пскове княгини Ярослава Владимировича, которую убил пасынок в Медвежьей Голове. Это упоминание может быть симптоматичным. В 1192 г. это владение «чуди» было сожжено псковичами, посланными Ярославом Владимировичем⁴⁵; под 1212 и 1217 гг. Медвежья Голова все еще упоминается как город «чуди», но под 1233 и 1234 гг. она уже была во владении у «немцев»⁴⁶. Очевидно, княгиня и пасынок жили в Медвежьей Голове в период борьбы Ярослава Владимировича за Изборск. Поскольку убиенная была погребена в Пскове, можно полагать, что она происходила из Пскова. Упоминаемый пасынок был неродным ребенком княгине, это сын Ярослава, женившегося во второй раз. Не погибла ли первая супруга Ярослава Владимировича вместе сыном в начале 1238 г.⁴⁷

Таким образом, упоминаемый под 1238 г. в НПЛ «сын Ярослава» мог быть сыном одного из двух Ярославов Владимировичей, хорошо известных новгородским летописцам. Безымянному сыну Ярослава Владимировича, правнуку Мстислава Великого в 1238 г. было бы 45 лет. Сын Ярослава Владимировича, правнук Мстислава Храброго мог погибнуть в Твери вместе с матерью.

Такая картина должна сложиться при традиционном отнесении Владимира Псковского к смоленским Ростиславичам.

Между тем исследование генеалогии Мстиславичей Д. Домбровского позволяет этот круг князей свести до одного человека. Ученый подверг последовательной критике сложившееся в историографии представление о тождестве князей Владимира Мстиславича и Владимира Псковского. Важными контраргументами с его стороны были: 1) отсутствие упоминания князя Владимира Мстиславича в летописях на протяжении 26–27 лет (с 1181 по 1208 г.) и «внезапное» появление Владимира Псковского в 1208 г., что не характерно для «привилегированной» личности; 2) вопреки мнению В. Л. Янина отчество Владимира Псковского не подтверждается данными памятников, связанных с Владимиром Ржевским; 3) в летописях не зафиксированы отношения родства между князьями Мстиславом Мстиславичем и Владимиром Псковским, при том что последний был хорошо знаком Генриху Латвийскому (дочь Владимира Псковского была замужем за епископом Рижским), который не отмечает родство этих князей; 4) показательное, что в летописном рассказе о битве на реке Липице в 1216 г. указано на родство между князьями Владимиром Псковским и Давидом, но оно не обозначено для Владимира и Мстислава; 5) Мстислав Мстиславич мог отдать Торопец Владимиру Псковскому не как родному брату, а как служилому князю [Домбровский, с. 631–637].

⁴³ Там же. С. 77.

⁴⁴ Там же. С. 79.

⁴⁵ Там же. С. 40.

⁴⁶ Там же. С. 52, 57, 72–73.

⁴⁷ Там же. С. 79, 297.

Свое мнение Д. Домбровский аргументировал в том числе следующим образом. Исследователь не признает возможность нахождения в 1207 г. в осажденном Треполе малолетнего сына Ярослава Владимировича, рожденного в Новгороде в 1193 г., и связывает появление в летописях Владимира Псковского с уходом из Треполя другого безымянного сына Ярослава, родившегося, по предположению исследователя, между 1179 и 1183 гг. [Домбровский, с. 639–641]. Д. Домбровский полагает, что Псковом князь Владимир владел с согласия Всеволода Юрьевича. Филиация Владимира подтверждается его именем – как старший сын он получил имя от деда, а его несомненный сын также получил имя деда.

Контраргументы Д. Домбровского представляются нам основательными, указанное исследователем «показание» Генриха Латвийского само по себе заставляет отказаться от смоленской филиации князя Владимира и его сына. Но, кажется, совсем не обязательно при этом полагать, что в 1207 г. в Треполе не мог находиться малолетний князь, тождественный рожденному в Новгороде в 1193 г. Напомним, что князь Всеволод Юрьевич направил на юг Руси своего 10-летнего сына Ярослава, которому во время событий 1206 г. было 16 лет, поэтому нельзя исключать возможность того, что в Треполе безымянным сыном Ярослава Владимировича был 15-летний княжич. Между тем это не может быть так: при таком положении дел замуж за Тедориха фон Буксхеведена в 1212 г. (но не ранее 1208 г.) была бы отдана совсем маленькая – самое большое 5-летняя – дочь этого князя (об этом браке сообщается в «Хронике Ливонии», Д. Домбровский полагает, что княжна родилась до 1198–1199 гг. [Домбровский, с. 658–659]). Итак, в 1207 г. в Треполе все же был Владимир Ярославич.

Таким образом, мы отказываемся от версии о двух Ярославах и приходим к заключению, что в НПЛ под 1238 г. отражена гибель прапраправнука Мстислава Великого.

Неудивительно, что о гибели этого Ярославича (в Твери или в другом городе) сообщает только НПЛ. В новгородском летописании оба Ярослава Владимировича, дед и внук, – «привилегированные» фигуры: о внуке Мстислава Великого Ярославе и о его семье НПЛ сообщает достаточно подробно, только эта летопись отражает и детали взаимоотношений Ярослава Всеволодича и Ярослава Владимировича. Показательно, что свояк Всеволода Большое Гнездо известен и владимирскому летописанию⁴⁸, а вот имени его внука в этой летописной традиции не обнаруживается. Симптоматично отсутствие в Лавр. сообщений о событиях в Изборске в 1233 и 1240 гг., о нападении Литвы на Торжок и Бежичи в 1245 г., которое было отражено новоторжцами с Ярославом Владимировичем, тверичами, дмитровцами и новгородцами. Об этом сообщается только в НПЛ. Напротив, в Лавр. есть отсутствующее в НПЛ сообщение о нападении Литвы на владимирский город Зубцов, которое отразили только «Суждальские князья»⁴⁹. Вряд ли такого рода умолчания являются проявлением тенденциозности летописцев, скорее они отражают известную им информацию.

Итак, филиация погибшего в 1238 г. Ярославича ростовским Юрьевичам не подтверждается, он – потомок Мстислава Великого. Остается под вопросом его статус. Определенные выводы по этому поводу можно сделать после рассмотрения биографий его предков.

Прапрадед княжича – князь Владимир Мстиславич – отчинных владений не имел: в 1147 г. на праве держания он княжил в Городце Остерском, в 1153 г. – в Дорогобуже, в 1155 г. – во Владимире-Волынском, откуда был изгнан племянником Мстиславом Изяславичем; в 1162 г. он был держателем Слуцка, после изгнания из этого города ему был дан город Триполь с еще 4 городами; новый киевский князь Мстислав Изяславич обещал князю Владимиру Торческу с волостью, но в итоге Владимир был «сослан» на княжение в Триполь, а после неудачного

⁴⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 400, 402, 406, 414, 426.

⁴⁹ Там же. Стб. 472.

заговора его отправили в Котельничи. Поиски «волостей» Владимиром Мстиславичем у Андрея Боголюбского также не увенчались успехом, как, видимо, не было ему дано владений и в Рязанской земле. Наконец, в 1171 г. князь Владимир захватил Дорогобужскую волость и в мае этого года на короткое время вокняжился в Киеве [Рапов, с. 147–148].

Сын Владимира Мстиславича Ярослав также не имел владений, в 1181 г. он зафиксирован на княжении в Новгороде, откуда он был выведен Всеволодом Юрьевичем [Рапов, с. 164], следовательно, был его наместником. Последующие новгородские княжения Ярослава Владимировича и, очевидно, княжение в Вышгороде были также организованы владимирским князем.

Дед княжича Владимир Ярославич в 1207 г. фиксируется в Треполе – городе, в котором некогда княжил его дед. На киевском столе в это время господствуют смоленские Ростиславичи, очень вероятно, что Владимир был служилым князем киевского князя Рюрика Ростиславича. В изменившейся в 1207 г. на юге Руси политической ситуации, когда на стол в Киеве пришли черниговские князья, Владимир Ярославич вынужден был уйти из Треполя, как предполагает Д. Домбровский, на северо-восток под покровительство другого могущественного династа – Всеволода Юрьевича, с согласия которого, по мнению исследователя, Владимир овладел Псковом [Домбровский, с. 638].

Этот вывод встречает возражение. Появление в летописи князя Владимира «Псковского» относится к 1211 г., когда он был посажен на княжение в Великие Луки князем Мстиславом Мстиславичем⁵⁰. Годом ранее – в 1210 г. – новгородцы воевали с Литвой под командованием посадника Твердислава и князя Владимира⁵¹, за которым нельзя не увидеть Владимира Ярославича. Значит, в этом году Владимир был в Новгороде, но он не был новгородским князем, поскольку им являлся Святослав Всеволодич⁵². На основании этих сведений мы склонны полагать, что Владимир Ярославич *стал* псковским князем в 1210 г., после вокняжения в Новгороде Мстислава Мстиславича. В 1213 и 1216 гг. князь Владимир фиксируется в Пскове, князь принимал активное участие в борьбе Мстислава Торопецкого с Ярославом Всеволодичем. В 1217 г. после ухода из Новгорода Мстислава Мстиславича князь Владимир «поиде въ Новъгородъ своими орудии», в этом году новгородцы с князем Владимиром и посадником Твердиславом ходили к Медвежьей Голове⁵³. В 1225 г. Владимир находился на княжении в Торжке и действовал против Литвы в союзе с переяславским князем Ярославом Всеволодичем⁵⁴. Таким образом, в 1210 г. Владимир Ярославич был служилым князем владимирского князя или его наместника в Новгороде, в 1210–1211 и 1213–1216 гг. – служилым князем Мстислава Мстиславича в Пскове, в 1211 г. – в Луках, в 1217 г. – в Новгороде.

Новоторжское княжение Владимира 1225 г. представляется нам симптоматичным. Князья, обосновывавшиеся в Новгороде (или перед тем, как занять новгородский стол), ставили под свой непосредственный контроль и Торжок. Так, в 1210 г. Мстислав Мстиславич пришел в Торжок, «изма дворянѣ Святослави, и посадника оковаша» (одновременно новгородцы арестовали Святослава Всеволодича) и после этих репрессий вошел в Новгород⁵⁵; в 1211 г. князь Мстислав Мстиславич пришел в Торжок «блюсти волости»⁵⁶, в 1218 г. в Торжке князь Мстислав вновь проводит репрессии, здесь фиксируется сын Мстислава Мстиславича Василий⁵⁷. Другой ситуацией была та, когда князья обосновывались в Торжке во время

⁵⁰ ПСРА. Т. 3. С. 49.

⁵¹ Там же. С. 51.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 57.

⁵⁴ Там же. С. 64.

⁵⁵ Там же. С. 51.

⁵⁶ Там же. С. 52.

⁵⁷ Там же. С. 57.

конфликта с Новгородом: в 1196 г. Ярослав Владимирович сделал Торжок своей резиденцией⁵⁸ (в Радзивиловской летописи и МАк указано, что в Торжке Ярослав Владимирович сел по воле Всеволода Юрьевича: «... [..кнзь же великий посади своака свое^е на Ново^м Торжькѣ]»⁵⁹; есть все основания связывать с Ярославом Владимировичем «грамоты Ярослава» [Малыгин, 2005]), в 1215 г. из-за конфликта с Новгородом в Торжке обосновался Ярослав Всеволодич; в 1224 г. из Новгорода в Торжок ушел князь Всеволод Юрьевич «со всѣмъ дворомъ своимъ»⁶⁰ и сюда приехали Юрий и Ярослав Всеволодичи, Василько Константинович с ростовцами и Михаил Всеволодич с черниговцами; итогом напряженных переговоров Юрия Всеволодича и Новгорода стало вокняжение в Новгороде Михаила Всеволодича черниговского⁶¹. В 1229 г. из Новгорода в Чернигов ушел князь Михаил Всеволодич, в Новгороде им был оставлен сын Ростислав⁶². 8 декабря 1230 г. Ростислав с посадником Внездом, спасаясь от мора, уехали в Торжок, в Новгороде были разграблены дворы Семена Борисовича, Водовика, его братьев и других неугодных, а Водовик, по всей видимости, в это время находился в Торжке, откуда он «побеже» с братьями, тысяцким Борисом и новоторжцами в Чернигов. Позже из Торжка «путь показали» и Ростиславу⁶³.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что до 1225 г. новгородские князья не держали в Торжке наместников (если не считать посажение в начале 1178 г. новгородцами князя Ярополка в «на Новемъ тѣргу», а Ярослава «на Ламьскомъ волоце»; может быть, в 1218 г. таким наместником в Торжке был Василий Мстиславич, но уверенности в этом нет), а княжили в Торжке сами. По всей видимости, Владимир Ярославич стал первым новоторжским наместником новгородского князя. В 1225 г. в Новгороде на княжении были два князя – Михаил Всеволодич и Ярослав Всеволодич. Поскольку в отражении нападения Литвы князь Владимир с сыном и новоторжцами участвовали под командованием Ярослава Всеволодича, остается думать, что в это время Владимир был в Торжке служилым князем переяславского князя, вокняжившегося в Новгороде. В 1245 г. его сын Ярослав также был новоторжским наместником новгородского князя Александра Ярославича.

Приведенные данные позволяют сделать заключение о том, что Ярослав Владимирович – старший и его сын Владимир были служилыми князьями у тех князей, кто господствовал в Новгороде, – Всеволода Юрьевича (до 1210 г.) и Мстислава Мстиславича (с 1210 по 1218 г.). Эти князья сидели в Новгороде и Пскове или были наместниками новгородских князей в Торжке и Великих Луках. Показательно отсутствие упоминаний о Владимире Ярославиче при описании в НПЛ событий внутри и вне Новгорода в годы короткого княжения в Новгороде призванного Святослава Ростиславича (1218), в периоды княжений Всеволода Мстиславича, ставленника киевского князя Мстислава Романовича (1219–1221), ставленников Юрия Всеволодича Всеволода Юрьевича (1222 и 1223–1224 гг.), Ярослава Всеволодича (1222) и Михаила Всеволодича черниговского (1225). Это молчание летописи может говорить о том, что в качестве служилых князей Владимир и его сын оказались не востребованными «временщиками» на новгородском столе, хотя поводы для этого были (походы на Литву). Затруднительно определить, где они все это время находились.

⁵⁸ Там же. С. 43.

⁵⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 414; Т. 38. С. 159.

⁶⁰ ПСРА. Т. 3. С. 64.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 68.

⁶³ Там же. С. 70.

Ярослав Владимирович – младший в эту картину не вписывается, будучи арестованным в 1233 г. переяславским князем из-за нападения на Изборск. Эта акция, арест, а также последовавшее в 1240 г. новое нападение на Изборск характеризуют его как противника Ярослава Всеволодича, а не как его служилого князя. Не случайно в 1243 г. он находился не на Руси, а, по всей видимости, в Медвежьей Голове (Оденпе), где была убита его вторая жена. Такая резкая смена лояльности к переяславскому князю Ярославу Всеволодичу и к Пскову может объясняться как опорой Ярослава Всеволодича в Новгороде не на служилых князей, а на собственные силы в лице сыновей и братьев, так и изменявшейся в Пскове политической ситуацией. В 1228 г. Ярослав Всеволодич предпринял попытку закрепиться в Пскове, однако псковичи сначала просто не пустили переяславского князя в город, а затем заключили мир с рижанами в надежде на их помощь против князя и новгородцев⁶⁴. На призыв Ярослава Всеволодича идти с ним в поход на Ригу псковичи ответили отказом, из Пскова были изгнаны те, кто имел «придаток» у Ярослава⁶⁵. Зимой 1232/1233 гг. Ярослав Всеволодич все же посадил в Пскове наместником своего шурина Юрия Мстиславича, внука князя Романа Ростиславича [Домбровский, с. 566], – представителя смоленских Рюриковичей. «Борисова чадь» – Борис Негочевич и его окружение – вынуждены были уйти из Пскова в Медвежью Голову⁶⁶. Можно думать, что это и стало причиной действий Ярослава Владимировича в Изборске.

Итак, предки погибшего в 1238 г. Ярославича были служилыми князьями преимущественно в пределах Новгородской земли. Этот сын Ярослава, родившийся, очевидно, во второй половине второго десятилетия XIII в., в 1230-е гг. мог служить какому-либо новгородскому князю, а учитывая господство в это время в Новгороде переяславского княжеского дома, то ему. В таком случае можно допустить, что погиб он, обороняя один из упомянутых в НПЛ новгородских (Волок) или, что менее вероятно, владимирских (Москва, Переяславль, Юрьев, Дмитров) городов (Москву следует исключить, поскольку известно, что при ее штурме монголами был убит воевода Филипп «Нанка», а князь Владимир Юрьевич был взят в плен⁶⁷).

Если же сообщение НПЛ понимать буквально, то мы должны думать, что Ярославич погиб в Твери. Но кем он был здесь? Наместником новгородского князя Александра Ярославича (такая постановка вопроса целесообразна ввиду службы всех его предков князьям, занимавшим новгородский стол)? Или наместником переяславского князя (Ярослав Всеволодич в период нашествия был в Киеве, в Переяславле могли бы оставаться его сыновья, но во время нашествия их в Переяславле не было: под 1240 г. сообщается о выезде из Новгорода в Переяславль князя Александра с матерью и «всего двора»⁶⁸ – очень вероятно, что все Ярославичи были в Новгороде зимой 1237/1238 гг.; при таком предположении имеем в виду, что предки погибшего Ярославича служили и владимирским князьям, но при этом они не были наместниками в городах Владимирского княжества)? Или в каком-то другом статусе?

Положительный ответ на первый вопрос предполагает если не прямое административное подчинение Твери Новгороду, то включение переяславской Твери в сферу влияния новгородского князя. Второй вопрос подразумевает признание за Тверью статуса княжеского города, чаще всего относимого к Переяславскому уделу Владимирского княжества. В таком случае можно ожидать в Твери наместника переяславского князя, но тогда также можно ожидать, что служилые князья были наместниками и в других городах Владимирского княжества.

Практика посажения в города посадников в Древней Руси была распространенной: так, во второй половине IX в. своих мужей по городам рассаживали Рюрик и Олег, в 1148 г.

⁶⁴ Там же. С. 66.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 72.

⁶⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 461.

⁶⁸ ПСРА. Т. 3. С. 78.

«... Ростиславъ (Юрьевич. – С. Б.) иде в Городецъ . а по городо^м посажа посадники своа»⁶⁹, в 1176 г. «Сѣдѣша Ростиславичема . в княженъи земла Ростовская . роздала баста по городомъ посадничьство Русьскы^м дѣдѣцкимъ...»⁷⁰, в 1206 г. «Всеволодъ Чермныи сдѣ в Кыевѣ . нѣдѣса на свою силу . и посла посадники по все^м городо^м Киевскы^м»⁷¹.

Наибольшее количество сведений о наместниках относится к Новгородской земле. Самое раннее упоминание о нахождении наместника новгородского князя в одном из новгородских «пригородов» – Новом Торге – относится к 1158 г., когда князь Ростислав Мстиславич, уходя в Киев, посадил здесь сына Давида⁷². В начале 1178 г. новгородцы посадили на новгородском столе князя Мстислава, а его брата Ярополка – «на новемъ тѣргу, а Ярослава на Ламскомъ волоце, и тако ся управиша по воли»⁷³. Спустя три года, в 1180 г., Ярополк был вновь посажен в Торжке⁷⁴, в 1181 г. князь с новоторжцами оборонялся от владимирского князя Всеволода Юрьевича⁷⁵. Следующее сообщение относится к Лукам: «Тои же весне преставися у Ярослава сына 2: Изяслав бяше посажен на Луках княжить и от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися, а Ростиславъ Новегороде»⁷⁶. В 1211 г. торопецкий князь Мстислав Мстиславич «... лучяномъ да князя Володимера Пльсковскаго»⁷⁷. В 1213 г. князь Владимир был изгнан из Пскова⁷⁸ и князем в Пскове стал Всеволод Борисович – он в 1214 г. с псковичами был в походе князя Мстислава Мстиславича на чудь⁷⁹. В 1218 г. в Торжке скончался Василий Мстиславич, который был посажен здесь отцом, вероятно, после бурных событий 1216 г.⁸⁰ Очевидно, что наместником князя Александра Ярославича в Торжке в 1245 г. был князь Ярослав Владимирович⁸¹, в боевых действиях против Литвы он действовал с новоторжцами, а Явид и Кербет – с тверичами и дмитровцами, сам князь Александр – с новгородцами.

Перечисленные факты свидетельствуют о существовании в новгородских «пригородах» – Торжке, Пскове, Волоке (Ламском), Луках – практики посажения новгородскими князьями ставленников. Во всех случаях это были Рюриковичи, их назначение в новгородские «пригороды» санкционировалось, как правило, новгородским князем, но изгонялись они и без его воли (Псков).

Во Владимиро-Суздальском княжестве в домонгольский период наблюдаются схожие черты, но только применительно к городам за пределами княжества. Всеволод Юрьевич «сажал» князей в Торжок (Ярослав Владимирович в 1197 и 1198 гг.⁸²), Новгород (Святослав Всеволодич в 1200 г., Константин Всеволодич в 1206 г.⁸³), Переяславль Русский (Ярослав Всеволодич в 1201 г.), Пронск (муромский князь Давид в 1208 г.⁸⁴) и Рязань (Ярослав Всеволодич в 1208 г.⁸⁵). И только в 1213 г. в завещании он распределил города своего княжества между сыновьями⁸⁶. В некоторых городах, в том числе вошедших в княжеские уделы после 1213 г., фиксируются великокняжеские воеводы и посадники. Под 1208 г. ЛПС упоминает воеводу

⁶⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 320.

⁷⁰ Там же. Стб. 374.

⁷¹ Там же. Стб. 427.

⁷² ПСРА. Т. 3. С. 30.

⁷³ Там же. С. 35.

⁷⁴ Там же. С. 36.

⁷⁵ Там же. С. 37.

⁷⁶ Там же. С. 44.

⁷⁷ Там же. С. 52.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 52–53.

⁸⁰ Там же. С. 57.

⁸¹ Там же. С. 79. В Комиссионном списке НПЛ это событие записано под 6754 (1246/1247) г. (Там же. С. 304).

⁸² ПСРА. Т. 41. С. 122.

⁸³ Там же. С. 123, 126.

⁸⁴ Там же. С. 127.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 129.

Степана Здиловича и посадника Ослядюка: «Посла великий кн(я)зь Всеволодъ воеводу своего Степана Здиловича къ Серенску, и пожже городъ весь... Всеволодъ же посади въ Пронску Д(а)в(ы)да муромьскаго кн(я)зя, и посадника своего Ослядюка и иде къ Рязаню»⁸⁷. При осаде Коломны погиб воевода Еремей Глебович (князь Всеволод Юрьевич бежал во Владимир), при штурме Москвы монголами был убит воевода Филипп Нянка (князь Владимир Юрьевич был взят в плен), во время осады и штурма Владимира-на-Клязьме проявил себя воевода Петр «Услядюковичъ»⁸⁸. Воеводы не были членами княжеских дружин: от Коломны князь Всеволод Юрьевич бежал «в мале дружине», при осаде Владимира князья Всеволод и Мстислав Юрьевичи обращались к «своей дружине» и воеводе Петру⁸⁹.

Таким образом, практика посажения наместников/посадников применялась владимирскими князьями по отношению к городам не Владимирского княжества, при этом наместниками были князья, а посадниками – «воеводы» (отметим, что фиксируемые в 1245 г. в Дмитрове и Твери воеводы Явид и Кербет – явно не Рюриковичи). Это обстоятельство ведет к такому выводу: если Ярославич был наместником в Твери, то этот город не был частью Владимирского княжества. Нам не кажется в этой связи случайным, что, повторим, никакими конкретными летописными сведениями о принадлежности Твери Переяславскому уделу мы не располагаем. Первое достоверное летописное упоминание Твери в НПЛ под 1215–1216 гг. дает две характерные черты Твери: *место заточения* новоторжского посадника Фомы Доброшница и *укрытие* для «сторожей» ушедшего из Новгорода и сидевшего в Торжке князя Ярослава Всеволодича после их схватки с отрядом воеводы Мстислава Мстиславича Яруна⁹⁰. Еще раз подчеркнем важность того факта, что НПЛ и Лавр. не сообщают о разорении Твери в 1216 г. отрядами князя Мстислава Мстиславича и новгородцев – судьба крепостей Зубцов, Шоша Дубна и Кснятин известна, а у Твери она была явно иной. Анализ информации летописного рассказа в НПЛ под 1216 г. позволил нам высказать мнение о том, что Тверь была резиденцией новоторжских князей, располагавшейся на р. Тверце к югу от Торжка [Богданов] (здесь, как и на Рюриковом Городище, вполне могла быть и церковь, при которой был священнослужитель, фиксируемый вместе с его «боярыней» в «Сказании об иконе Владимирской Богоматери» [Стефанович, с. 49]). Есть вероятность того, что в таком качестве Тверь выступает и в упомянутом в начале статьи сообщении владимирского летописца под 1209 (1212) г. об остановке владимирских княжичей «на Тфери».

Что же в этой Твери делал погибший Ярославич? Выскажем два предположения на этот счет: он сидел на новоторжском столе в качестве наместника новгородского князя Александра и был настигнут монголами в княжеской резиденции, или же он был в Твери в заточении (возможно, вместе с матерью), в то время как его отец сидел под арестом в Переяславле Залесском.

Литература

Бегунов Ю. К., Клейнберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966. С. 175–240.

Богданов С. В. Тверь в 1216 году // Истоки Российского государства. Материалы научной конференции «У истоков Российского государства. Тверь. Москва: к 700-летию со дня памяти великой княгини Ксении Тверской» (Тверь – Кашин, 6–7 февраля 2012 г.). Тверь, 2015. С. 115–152.

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. 879 с.

⁸⁷ Там же. С. 127, 128.

⁸⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 460–462.

⁸⁹ Там же. Стб. 460, 462.

⁹⁰ ПСРА. Т. 3. С. 53, 55.

- Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. 989, [2] с.
- Иванова А. Б., Хохлов А. Н. Культурный слой северной части Тверского кремля по материалам раскопа 2017 г. на Волжском проезде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 100–129.
- Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. 335 с.
- Кучкин В. А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. 1970. Вып. 83. С. 95–112.
- Кучкин В. А. Город Дубна на реке Дубне // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 308–319.
- Кучкин В. А. Переяславль и Переяславское княжество в X – первой трети XIII в. // Российская история. 2017. № 4. С. 3–16.
- Кучкин В. А. Ростовская земля, Суздальское и Владимирское княжества в XI – первой трети XIII в. // Российская история. 2019. № 4. С. 92–115.
- Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. 199 с., 1 л. схем.
- Малыгин П. Д. Тверь и новоторжско-волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление средневекового европейского города. М., 1989. С. 149–158.
- Малыгин П. Д. «Ярослави грамоты»: грамоты южных или северных князей? // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 101–104.
- Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. 325 с., [1] л. портр.
- Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. 261 с., 2 л. схем.
- Стефанович П. С. Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 41–59.
- Татищев В. Н. История Российская с древнейших времен. М., 1774. Кн. 3. 536 с.
- Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах. М.; Л., 1964. Т. 4. История Российская. Ч. 2. 555 с.

References

- Begunov, Yu. K., Kleinenberg, I. E., Shaskol'skii, I. P. Pis'mennye istochniki o Ledovom poboishche [Written Sources about the Ice Battle]. In *Ledovoe poboishche 1242 g.: Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha*. Moscow; Leningrad, 1966. Pp. 175–240.
- Bogdanov, S. V. Tver' v 1216 godu [Tver in 1216]. In *U istokov Rossiiskogo gosudarstva. Materialy nauchnoi konferentsii "U istokov Rossiiskogo gosudarstva. Tver'. Moskva: k 700-letiyu so dnya pamyati velikoi knyagini Ksenii Tverskoi" (Tver' – Kashin, 6–7 fevralya 2012 g.)*. Tver, 2015. Pp. 115–152.
- Dombrovskii, D. Genealogiya Mstislavichei: Pervye pokoleniya (do nachala XIV v.) [Genealogy of the Mstislaviches: First Generations (before the 14th Century)]. Saint Petersburg, 2015. 879 p.
- Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya [Old Rus in the Medieval World: Encyclopedia]. Moscow, 2014. 989, [2] p.
- Ivanova, A. B., Khokhlov, A. N. Kul'turnyi sloi severnoi chasti Tverskogo kremlya po materialam raskopa 2017 g. na Volzhskom proезде g. Tveri [The Cultural Layer of the Northern Part of the Tver Kremlin Based on Materials from the 2017 Excavation Site on the Volzhsky Thoroughfare in Tver]. In *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya*. Tver, 2019. Issue 12. Pp. 100–129.
- Kuchkin, V. A. Formirovanie knyazhestv Severo-Vostochnoi Rusi v poslemongol'skii period (do kontsa XIII v.) [Formation of the Principalities of North-Eastern Rus in the Post-Mongol Period (until the End of the 13th Century)]. In *Voprosy geografii*. 1970. Issue 83. Pp. 95–112.
- Kuchkin, V. A. Gorod Dubna na reke Dubne [Dubna City on the Dubna River]. In *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: Arheologiya, istoriya, kul'tura. K 60-letiyu Nikolaya Andreevicha Makarova*. Moscow; Vologda, 2015. Pp. 308–319.
- Kuchkin, V. A. Pereyasavl' i Pereyaslavskoe knyazhestvo v X – pervoi treti XIII v. [Pereyasavl' and the Principality of Pereyasavl' in the 10th – Early 13th Centuries]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2017. No. 4. Pp. 3–16.
- Kuchkin, V. A. Rostovskaya zemlya, Suzdal'skoe i Vladimirskoe knyazhestva v XI – pervoi treti XIII v. [Rostov Land, Suzdal and Vladimir Principality in the 11th – Early 13th Century]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2019. No. 4. Pp. 92–115.

- Kuz'min, A. V. Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. [On the Way to Moscow. Genealogy Essays on Military Servile Nobility of the North-Eastern Rus in 13th – the Middle of the 15th Century]. Moscow, 2014. Vol. 1. 335 p.
- Limonov, Yu. A. Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi [Chronicles of Vladimir-Suzdal Rus]. Leningrad, 1967. 199 p., 1 l. of diagrams.
- Malygin, P. D. Tver' i novotorzhsko-volotskie zemli v XII–XIII vv. [Tver and Novotorzhsko-Volotsky Lands in the 12th – 13th Centuries]. In *Stanovlenie srednevekovogo evropeiskogo goroda*. Moscow, 1989. Pp. 149–158.
- Malygin, P. D. “Yaroslavli gramoty”: gramoty yuzhnykh ili severnykh knyazei? [Yaroslav's Charters: Certificates of Southern or Northern Princes?]. In *Rus' v IX–XIV vekakh: Vzaimodeistvie Severa i Yuga*. Moscow, 2005. Pp. 101–104.
- Priselkov, M. D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. [The History of Russian Chronicles of the 11th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, 1996. 325 p., [1] l. of portr.
- Rapov, O. M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X – pervoi polovine XIII v. [Princely Possessions in Rus in the 10th – the First Half of the 13th Century]. Moscow, 1977. 261 p., 2 l. of diagram.
- Stefanovich, P. S. Boyarstvo i tserkov' v domongol'skoi Rusi [Boyars and the Church in Pre-Mongol Rus]. In *Voprosy istorii*. 2002. No. 7. Pp. 41–59.
- Tatishchev, V. N. Istoriya Rossijskaya s drevnejshih vremen [Russian History since Ancient Times]. Moscow, 1774. Book 3. 536 p.
- Tatishchev, V. N. Sbranie sochinenii: V 8-mi t. [Collected Works: in 8 vol.]. Moscow; Leningrad, 1964. Vol. 4. Istoriya Rossijskaya [Russian History]. Part 2. 555 p.

Sergei V. Bogdanov
Tver State University, Tver, Russia

WHICH OF THE YAROSLAVICHES DIED IN TVER IN 1238?

The article discusses the identification of Yaroslavich, who died at the hands of the Mongols in Tver in early 1238. The author rejects the traditional opinion of him as of a deceased son of Prince Yaroslav Vsevolodich of Pereyasavl and offers a rationale for identifying this Yaroslavich as a son of Prince Yaroslav Vladimirovich, who belonged to the descendants line of Mstislav the Great. It is assumed that Yaroslavich was in Tver either as a prince who served the Prince of Novgorod Alexander Yaroslavich or as a prisoner of Prince Yaroslav Vsevolodich.

Keywords: Tver, 1238, Yaroslaviches, descendants of Mstislav the Great, service princes